
И. И. Панаев

Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Февраль 1852

Отрывок

— Вот замечательная новость. В 3 № «Москвитянина», который всегда неблагосклонно отзывался о г. Дружинине, начинают хвалить его.

И молодой человек начал перевертывать листы «Москвитянина».

— Критик этого журнала, продолжал он, — называет г. Дружинина, вместе с г. Авдеевым, Жемчужниковым и Чернышевым (?), последними представителями лермонтовского направления. А знаете ли, что он говорит об этом направлении?.. Вот, позвольте я вам сейчас прочту:

«Не глубокое содержанием, оно сказалось за раз, само себе положило Геркулесовы столбы, идти за которые значило идти к абсурду».

— Он посвящает всю свою третью статью о русской литературе в 1851 году, после двух вступлений, где говорилось о Гоголе и Лермонтове, разбору одной «Певницы», соч. Иногородного Подписчика, и изъявляет желание, смешивая в одно лицо г. Дружинина с Иногородным Подписчиком, чтобы он отдавался более своей непосредственной, *страстной* натуре, без задних мыслей; как отдается ей А. де-Мюссе. Он даже, увлеченный *пафосом*, говорит г. Дружинину то, что Гамлет говорит своей матери:

О, брось его (сердца), брось злую половину
И с остальной в чистоте живи!

— Вот это так трогательно, оригинально и ново, — заметил я, — в особенности кажется оригинальным то, что «Москвитянин», постоянно до сих пор делавший очень едкие упреки «Современнику» за то, что он будто бы превозносит сочинения гг. Дружинина и Чернышева (хотя «Современник» по поводу «Дачного рассказа» Чернышева заметил однажды, что этот рассказ очень мил — и только), теперь сам придает ему какое-то особенное значение, и, хотя г. Чернышев, сколько мне известно, ничего никогда не печатал, кроме этого рассказа, он уже торжественно включает его в число представителей лермонтовского направления, а разбору «Певницы» посвящает целую статью! Все это очень забавно.

— И что за язык у этого критика! — подхватил молодой человек, — мальчишески-заносчивые упражнения, абсурд, экстравагантности, произведения, в которых форма гоголевского творчества, а сущность мирозерцания лермонтовская.

— Все это тяжело, натянуто, все это как будто неудачные пародии на те критики, которые писались у нас в сороковых годах... Не правда ли?

Молодой человек, думая, мне кажется, почему-то особенно угодить этими замечаниями, взглянул на меня так умильно, что я покраснел за него.

— Критик, о котором вы говорите, хотя и не имеет особенных достоинств, хотя суждения его неопределенны, сбивчивы и постоянно не метки, хотя в его статьях

видны неприятные напряжения, усилия натягивать себя до пафоса, привычка смотреть на русскую литературу сквозь тусклые очки немецких эстетик, разные предубеждения и другие *эстравагантности* и *абсурды*, но я не могу не дать ему справедливости, что сквозь все это в нем проглядывают любовь, неподдельное уважение к искусству, страстная охота усердно служить ему, — а для меня это чрезвычайно важно, и я готов извинить ему за это все его заблуждения и странности и даже, что еще важнее, какие бы ни было неблагоприятные отзывы о моих собственных произведениях, потому что мое сочинительское самолюбие не так щекотливо и раздражительно, как у других. Правда, одна любовь к искусству, одно усердие, одни взгляды, основанные на немецких эстетиках, без *собственного* эстетического вкуса, без критического такта и *чутья* совершенно бесполезны в критике.

— Ваша правда, заметил молодой человек, — чутье столь же важно в литературе, как и на охоте. Одно усердие ни в том, ни в другом случае ничего не делает.

— Я всегда готов отдать должное хорошей статье или замечательному труду, продолжал я, — хотя бы встретил их и в таком журнале, редакторы и сотрудники которого посматривают на меня мрачно и неблагоприятно...

Впервые: С. 1852. № 3. Отд. VI. С. 105–116. Публикуемый фрагмент — с. 112–114. Без подписи. Цензурное разрешение — 29.02.1852. Цензор А. Л. Крылов.

Фрагмент фельетона Панаева продолжает серию заметок Нового Поэта, вызванных обзорением Григорьева «Русская литература в 1851 году» (М. 1852. № 1–4; о предыдущем разборе Панаевым статьи Григорьева см. наст. изд., с. 633–634). Статья написана в форме разговора с «молодым человеком» — литератором-неофитом (частотная маска в заметках Панаева 1852–1853 гг.), «ежемесячно с жадностью поглощающим все русские журналы» (С. 1852. № 3. Отд. VI. С. 108) и втирающимся в доверие к автору, чтобы выведать у него его мнения обо всех русских журналах, в том числе о «Москвитянине». В уста «молодого человека» Панаев вкладывает наиболее критические суждения о статье Григорьева — как в части ее языка и стиля, так и в части взглядов на словесность и искусство. Сам же Новый Поэт принимает на себя роль защитника Григорьева, а также Иногородного Подписчика Дружинина от нападок «молодого человека», ставя им в заслугу «любовь, неподдельное уважение к искусству». Этот нехитрый прием позволяет Панаеву в косвенной форме дискредитировать «молодую редакцию» «чужими руками» фиктивного героя и выразить свое принципиальное несогласие с Григорьевым, эстетические взгляды которого, по убеждению критика «Современника», зависимы от «немецких эстетик», а потому вторичны, несамостоятельны, архаичны и не учитывают всего многообразия литературного процесса начала 1850-х гг. При этом Панаев явно стремится уменьшить накал полемики, отдавая должное сильным сторонам Григорьева-критика, в первую очередь, его искренней увлеченности вопросами искусства.

С. 213. *Критик этого журнала ~ называет г. Дружинина вместе с г. Авдеевым, Жемчужниковым и Чернышевым (?)...* — Отсылка к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд., с. 185).

С. 213. *...как отдается ей А. де-Мюссе.* — Цитата из той же статьи Григорьева. О месте А. де Мюссе в историко-литературной концепции Григорьева см. коммент. к его статье, наст. изд., с. 665.

С. 213. *О, брось его, (сердца) брось злую половину...* — Цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» в переводе М. П. Вронченко (СПб., 1828. С. 119; д. III, явл. 4). В статье Григорьева эти строки были приведены в оригинале — по-английски (см. наст. изд., с. 199). Панаев меняет язык, очевидно, чтобы высмеять манеру Григорьева наполнять статьи многочисленными цитатами на языке оригинала.

С. 213. *...«Современник» по поводу «Дачного рассказа» Чернышева заметил ~ рассказ очень мил — и только...* — По поводу этой повести Д. С. Чернышева (С. 1850. № 5) редакция «Современника» заметила при ее публикации, что «статья, подписанная новым, неизвестным именем, не пройдет в нашем журнале незамеченной» (С. 1850. № 5. Отд. VI. С. 137). О мнении «молодой редакции» см. наст. изд., с. 657.

С. 213. *...мальчишески-заносчивые упражнения, абсурд, экстравагантности ~ а сущность мирозерцания лермонтовская.* — Панаев иронизирует над особым словоупотреблением Григорьева в статье «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд., с. 648).